

„Стихія“—это та неуловимая и непонятная, могучая и большей частью грозная сила, которая по Божьей волѣ кормитъ индигирца и изъ рукъ которой онъ долженъ почти вырывать свою жизнь. Съ нею трудно бороться и грѣшно идти противъ нея—ее можно только умиловать. — „Сулимъ, значить, общаемъ Богу или Владычицѣ отслужить молебенъ, если дастъ намъ рыбы или гусей, *стихию просимъ*—вѣдь отъ нея это зависитъ. Тамъ насъ Богъ слышитъ, не слышитъ—заведенье со старины такое. Когда гусей промысляемъ, вся партія кладетъ гусей 200—300 отдѣльно въ яму для Бога, потомъ кто-нибудь ихъ купить, на эти деньги молебенъ и служимъ“.

Грозна водяная „стихія“, но ее можно умиловать подарками. Когда мы переѣзжали на легкихъ „вѣткахъ“ черезъ морскую губу (30 верстъ) и валы стали хлестать черезъ бортъ и заливать наши утлые ладьи, мореплаватели начали бросать на волны заготовленные ранѣ подношенья—пестрые лоскутья, ладанъ, „Божью просвиру“, одинъ безпечный парень, который раньше объ этомъ не подумалъ, отрѣзалъ на спѣхъ отъ пояса кусочекъ ремня и тоже бросилъ его на волны.— „Матушка сине море! прекрати погоду! не дай погибнуть православнымъ!“

Тундра больше благоволяетъ къ человѣку—„она три года радуется, гдѣ человѣкъ останавливался, чай пилъ“, — на этомъ мѣстѣ между колышками подвѣшиваютъ на ниткахъ тѣ же пестрые лоскутья—эти „жертвенники“ я встрѣчалъ по тундрѣ нерѣдко. Къ тундрѣ обращаются тоже, какъ къ живому существу—„матушка сѣндуха!“ („сѣндуха“—общее названіе для тундры).

Когда въ пути останавливаются отдохнуть—поѣсть и попить чаю, въ огонь обязательно бросаютъ кусочки ѣды или плещутъ чай—„чтобы все было благополучно“; обычай этотъ существуетъ у якутовъ и, вѣроятно, отъ нихъ перешелъ къ русскимъ.

Олицетвореніе силъ природы идетъ очень далеко. Во время гусеванія у насъ случился „айданъ“ (безпорядокъ, скандалъ)—ушли стреноженные кони. Юкагирь Тута съ Алешкой ушли за ними въ погоню, рассчитывая вернуться къ намъ не

раньше, какъ дня черезъ три. Мы остались всё въ урасѣ, — пили чай; скоро по землянкѣ забарабанилъ проливной дождь. Одинъ изъ присутствующихъ пожалѣлъ ушедшихъ. — „И — замѣтилъ старшина, — нешто онъ православный!“ — Кто это? — съ недоумѣніемъ спросилъ я. — „Да дождь этотъ — до послѣдней нитки промочить“. — Дождь можетъ быть православнымъ и неправославнымъ — нѣтъ ли въ этомъ тоже отголоска олицетворенія природы?

Я приѣхалъ въ Русское Устье 20-го января и во всѣхъ избахъ и амбарахъ надъ дверями и въ углахъ напелъ намазанные углемъ или накопченные свѣчой крестики. Послѣ разспросовъ для меня выяснилось слѣдующее: русско-устинцы вѣрятъ въ существованіе „шеликановъ“ (или „селикановъ“ — нечистая сила, домовые). Эти „шеликаны“ — живыя существа, роста маленькаго, „съ кулачокъ“, сами какъ люди. Въ крещеніе они выходятъ изъ прорубей (Иордань) и позднѣе снова туда возвращаются; могутъ забраться въ избу; въ амбарахъ благодаря имъ незамѣтно кончаются припасы. Кресты ставятъ отъ нихъ въ канунъ Крещенія; дѣйствительно также слѣдующее средство: жженымъ коломъ обводятъ вокругъ амбара или избы черту — эту операцію производитъ кто-нибудь оставшійся наединѣ — коль стоитъ потомъ три дня противъ дверей для огражденія отъ шеликановъ. — „Два года тому назадъ на рѣкѣ у насъ они дѣвку утопили — заманили въ прорубь“. — Таковъ въ Русскомъ Устьѣ „прилогъ“ (преданіе) о шеликанахъ (между прочимъ — у *Маака* встрѣчается слово *шелюканы* въ значеніи нечистыхъ духовъ).

Нѣкоторые примѣты и обычаи несомнѣнно заимствованы у якутовъ, — напр., слѣдующіе: умирали у Петруши дѣти; тогда назвали мальчика (Иванъ) Мокачаномъ — по имени только что умершей собаки — „въ собачье обернули“. Именно такъ обманываютъ Злого Духа якуты, когда онъ приходитъ за человѣкомъ: „это, де, собака, а не человѣкъ“. — У многихъ, кромѣ „святого имени“, есть еще другое свое прозвище („Незнайка“, „Мокачанъ“, „Тастохъ“, „Алясъ“) — какъ у якутовъ.

Множество примѣтъ связано, конечно, съ промысломъ. Такъ, до прохода льда нельзя готовить юколу — это значитъ портить рыбу. Осенью во время промысла озерныхъ

чировъ ко мнѣ пришелъ староста: „ужь ты сдѣлай милость, на сковородкѣ теперъ чира не жарь—сердится онъ, озеро отъ этого уроситъ (капризничаетъ, колдуетъ). А варить—вари сколько хочешь“.—Озерный чирь—рыба нѣжная; ити въ озеро въ обуткахъ, выкрашенныхъ ольхой—нельзя,—сердится оно; утопить въ немъ желѣзо тоже нельзя—чиръ вовсе не будетъ тогда попадаться.—Случается, что вдругъ начинается уросить ружье—попасть попадешь, а до смерти не убьешь; такое ружье надо положить подъ порогъ и заставить переступить черезъ него больную женщину—ружье будетъ исправно.

Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ работой можно накликасть бѣду. Когда мы сидѣли на берегу моря и второй день ждали тихой погоды, которая позволила бы намъ благополучно перебраться на утлыхъ вѣткахъ черезъ губу (30 верстъ шириною), Пронька—парнишка лѣтъ 15-ти—отъ нечего дѣлать досталъ изъ своей сумы—волосъ (который индигирцы всюду возятъ съ собой—онъ замѣняетъ имъ развлечение и трудъ, въ родѣ книги въ пути) и началъ сучить его для сѣтей, на него сурово прикрикнулъ „Губернаторъ“ (старикъ, не пользовавшійся никакимъ авторитетомъ, жертва всегдашнихъ насмѣшекъ), и Пронька съ виноватымъ видомъ спряталъ скорѣе свой волосъ: работа могла вызвать „погоду“.

О пчелѣ („будуницѣ“—медуницѣ?) мнѣ пришлось слышать такую легенду:—„Будуницу грѣхъ убить. Когда Христосъ на крестѣ былъ, пришли воины добить Его—хотѣли копьемъ въ сердце ударить, а на груди у Него въ то время будуница сидѣла, они и подумали, что сердце у Него уже пронзенное. Пронзили бокъ Его, а будуница сердце защитила“.

Среди мѣщанъ живетъ нѣкто Гуськовъ, бывшій уголовный ссыльный; лѣтъ 35 тому назадъ онъ былъ водворенъ въ эти края на поселеніе, затѣмъ въ правахъ восстановленъ, приписанъ къ обществу, здѣсь обжился и остался. Знаніе грамоты помогаетъ ему обдѣлывать темныя дѣла, писать кляузы и обманывать. Былъ приказчикомъ, „сходилъ съ ума“, прикарманилъ деньги довѣрителя. Всѣ знаютъ его за шарлатана, но грамотность и знаніе „божественности“ соз-

даютъ ему престижъ, связанный съ матеріальными благами, даже со стороны тѣхъ, кто за глаза его ругаетъ. Онъ считается специалистомъ по части молитвы и отчитыванія всякихъ болѣзней. Читаетъ также надъ покойниками; при этомъ увѣряетъ, что для этого ему необходимо столько-то фунтовъ муки, столько-то полотенецъ и столько-то аршинъ холста— „такъ у насъ въ Россіи заведено“—ему безпрекословно все даютъ. У старосты захворалъ сынъ, началъ „блажить“ (онъ—менерикъ). Пришли ко мнѣ за „великими молитвами“,—я ихъ не зналъ, и снизу вызвали Гуськова. Онъ привезъ съ собой „Книгу великихъ молитвъ“ (оказавшуюся Псалтыремъ) и отчитывалъ по ней больного во все время его припадковъ. Когда я далъ больному бромъ, онъ наставительно замѣтилъ старостѣ: „Порошки эти тоже отъ Бога, ты думаешь безъ Бога они помогутъ?“—и этимъ возстановилъ свой поколебленный было на мгновение авторитетъ. Молитвы совершенно, очевидно, не помогли, но тѣмъ не менѣе захворавшій вскорѣ глазами братъ старосты снова послалъ за Гуськовымъ. Я слышалъ, какъ Гуськова называли „формезономъ“—полагая, что „формазонъ“ нѣчто въ родѣ особой вѣры; „формазономъ“ онъ и самъ называлъ себя съ важностью.

По дорогѣ въ Русское Устье и въ самомъ Русскомъ Устьѣ я часто спрашивалъ о *шаманахъ* и всегда слышалъ отвѣтъ, что они давно всѣ перевелись въ этихъ краяхъ. Это подтверждали и книги, и я уѣхалъ бы отсюда съ увѣренностью, что шамановъ больше здѣсь нѣтъ, если бы не случай. Выйдя какъ-то вечеромъ изъ своей юрты, я залюбовался сѣвернымъ сіяніемъ, которое въ этотъ вечеръ было особенно великолѣпнымъ. Сидя на крышѣ и любуясь небомъ, я услышалъ среди ночной морозной тишины глухіе удары бубна, звуки шли отъ дома старосты. Я зналъ, что у него боленъ сынъ, слышалъ утромъ, что сверху пріѣхалъ какой-то якутъ, и догадался, что сейчасъ въ избѣ старосты идетъ борьба между шаманомъ и Абахы (Злой Духъ). На другое утро я долженъ былъ пустить въ ходъ цѣлый рядъ хитростей, чтобы узнать истину—догадка моя подтвердилась. Наканунѣ я далъ на ночь больному бромъ и пошелъ къ

старостѣ (который самъ попросилъ меня помочь сыну) узнать, какъ онъ подѣйствовалъ. Нарочно каждого изъ домашнихъ спросилъ отдѣльно: одни говорили, что порошокъ подѣйствовалъ и больной хорошо спалъ, другіе—что порошки никакого дѣйствія не оказали, третьи—что порошокъ даже вообще больному не давали... (Въ дѣйствительности же оказалась, что бромъ мой и не могъ подѣйствовать, такъ какъ всю ночь до разсвѣта надъ больнымъ шаманилъ шаманъ—кричалъ и билъ въ бубень). Я замѣтилъ старостѣ, что надо выбрать между шаманомъ и лѣкарствомъ, но пускать въ ходъ то и другое вмѣстѣ нельзя.— „У меня никто не шаманилъ“—отвѣтилъ староста, хотя шаманъ сидѣлъ здѣсь же въ уголкѣ—старый слѣпой якутъ, съ длинными волосами, остроконечной сѣдой бородкой и дикимъ выраженіемъ лица. Когда сосѣди мои убѣдились, что скрывать отъ меня больше нечего, они стали откровеннѣе, и тѣ самые, кто раньше все время въ разговорахъ со мной отрицали существованіе шамановъ, теперь рассказали мнѣ о нихъ много интереснаго. Шаманы, оказывается, существуютъ на Индигиркѣ въ достаточномъ количествѣ—есть у якутовъ, у юкагировъ, у чукчей; я узналъ въ короткое время имена трехъ шамановъ съ ихъ точнымъ мѣстожителествомъ. Вѣра въ нихъ повсемѣстна и всеобща. Старикъ-сосѣдъ, очевидно, желая подладиться ко мнѣ, отозвался о нихъ насмѣшливо, но когда я его въ упоръ спросилъ, вѣрять ли онъ въ нихъ, онъ замолчалъ и потомъ серьезно сказалъ: „Развѣ уже очень бы захворалъ, позвалъ бы шамана“.—Многіе изъ моихъ пациентовъ одновременно съ моимъ лѣченіемъ потихоньку отъ меня пользовались у шамановъ. Староста для излѣченія своего сына прибѣгнулъ сразу къ тремъ средствамъ; къ заклинанію и камланью шамана, къ „великимъ молитвамъ“ Гуськова и къ моимъ порошкамъ. Бывшій у него шаманъ—старикъ Лазарько—три года тому назадъ ослѣпъ—„ослѣпили враги въ тундрѣ, когда одинъ остался“—и съ тѣхъ поръ на него „нашло“. Выраженное мною желаніе увидать камланье или хотя бы просто снять съ Лазарька карточку сильно испугало и шамана и старосту—на другой день бубень и шаманскій кафтанъ были вывезены изъ Русскаго сынагома Лазарька. Десять

дней гонялся я съ фотографическимъ аппаратомъ за шаманомъ, соблазняя его всѣми соблазнами, пока на его счастье не замерзли рѣки, и онъ поспѣшно уѣхалъ по первопутью. Шамановъ тщательно скрываютъ отъ начальства и священниковъ, —какой-то священникъ на Индигиркѣ лѣтъ 30 тому назадъ яростно ихъ преслѣдовалъ и ломалъ ихъ бубны. Обѣщанію моему сохранить все въ секретѣ, очевидно, не вѣрили. Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что никому неизвѣстно о существованіи здѣсь шамановъ—вѣсть о нихъ можетъ дойти лишь черезъ участниковъ научныхъ экспедицій, мимолетно и случайно проѣзжающихъ черезъ эти края, или черезъ мѣстную администрацію и священниковъ, отъ которыхъ населеніе тщательно шамановъ прячетъ. Я прожилъ среди поголовно вѣрящаго въ шамановъ населенія вплотную девять мѣсяцевъ, и лишь случай открылъ мнѣ ихъ существованіе.

Послѣ обнаруженія мною шамана староста очень долго при встрѣчахъ со мною имѣлъ видъ сконфуженный и виноватый, явно боясь, что о шаманскомъ камланѣ въ его избѣ станетъ извѣстно начальству. Надо ли говорить, что староста самъ очень религіозенъ, какъ и всѣ здѣшніе жители. Впрочемъ, и самъ Лазарько ежегодно посѣтится и говѣеть у аллахскаго священника. Послѣдній знаетъ хорошо о существованіи шамановъ и отзывается о нихъ такъ: „который помогаетъ, пусть шаманить, а вотъ обидно, если помочи нѣтъ“.— Чего же надо еще?

Тотъ же Лазарько въ свой пріѣздъ лѣчилъ брата старосты. На глазъ его упало бѣльмо—обычно онъ „сгонялъ“ бѣльмо нашатыремъ (!), соскабливая его ножомъ въ больной глазъ, но теперь это средство не помогало. Обратился къ шаману. Шаманъ вывелъ его на дворъ, наставилъ на больной глазъ мѣдное кольцо (можно также деревяшку съ выпавшимъ сучкомъ)—и потомъ громко и неожиданно закричалъ: „Гу! гу!“—надо „испугать, согнать бѣльмо“, чтобы больной вздрогнулъ. До трехъ разъ. Средство это, впрочемъ, не помогло—„огонь есть въ глазу, онъ его (т.е. Злого Духа въ шаманѣ) не подпускаетъ“.

Почти легендарные рассказы существуютъ у русско-устин-

цевъ о „сендушныхъ чукчахъ“, которые почти приравняются ими къ нечистымъ духамъ.—,Приходятъ эти сендушные чукчи съ Носа—такъ, тундряные они, безъ палатокъ, удачу показываютъ. Плохой, конечно, не придетъ—на отборъ. Весь въ ремень, какъ трубка, завитой. Приходить съ лукомъ, и стрѣлы костяныя. Подкрадывается сзади, закричитъ сразу или захохочетъ—словно сендуха расколосась, пугаетъ; изъ стрѣлъ опасны лишь первая и послѣдняя, а другія еле дундукъ прошибаютъ—одну за другой всё выпустить и побѣжить, а самъ на лучокъ опирается. Но всего страшнѣе у него копье—пускаетъ его на ремнѣ въ 10 сажень.

Подъ мышками пузырьки носить—съ ними не мерзнетъ и въ водѣ не тонетъ. Родить такого чукчу сендуха, какъ траву. Любить коней гонять—не убиваетъ, не ѣсть, сѣсть видно боится,—такъ гонить и гонить по тундрѣ, любитъся. Ремень, гдѣ ни увидитъ, возьметъ—ремнемъ они больше всего дорожатъ, ими обутки свои подшиваютъ. Въ темныя осеннія ночи, когда бабы боятся на улицу выйти и сидятъ въ юртѣ, пропадетъ иной разъ возлѣ дома что-нибудь изъ лопоти—пропадетъ, а дня черезъ три опять на старомъ мѣстѣ, глядятъ, виситъ. Приѣзжаетъ зимой чукча.—Здравствуй, подружка! А что ты меня осенью не видала?—Нѣтъ, говорить, не видала.—„А я у тебя была. Пропадала у тебя тогда-то юбка или тамъ кофта, а послѣ черезъ три дня ее опять нашла?—Самъ смѣется.—Это правда, пропадала.—„Ну, это я бралъ, удачу показывалъ“.—Досель старики наши, сказываютъ, такихъ чукчей сендушныхъ убивали и прятали“.

Мнѣ рассказывали, что два такихъ „сендушныхъ чукчи“ появились лѣтомъ 1912 г. около Станчика—эта вѣсть вызвала немалую тревогу.

Старая была, повидимому, переплелась здѣсь съ новыми небылицами.

Съ гусеванія насъ возвращалось семеро. По дорогѣ, возлѣ Крутой (въ 20 вер. отъ моря), остановились и разбили палатки. Четверо ушли къ озеру „гнать яръ“ въ поискахъ за мамонтовой костью, я пошелъ стрѣлять оленей. Одного удалось убить. Когда мы втроемъ вдали отъ лагеря были заняты пластаньемъ оленя, далеко на тундрѣ съ другой сто-

роны, чѣмъ та, въ которую ушли товарищи, показались четыре фигуры, очень быстро передвигавшіяся. Сначала мы было приняли ихъ за своихъ, но они, идя къ намъ, вдругъ повернули въ сторону и стали быстро удаляться. Я хотѣлъ имъ крикнуть, предполагая, что они насъ не замѣтили, что казалось невѣроятнымъ, но мои два спутника меня остановили. — „Кто ихъ знаетъ, что это за люди?—были бы настоящіе, къ намъ бы подошли“.—Я пошутилъ, что это, можетъ

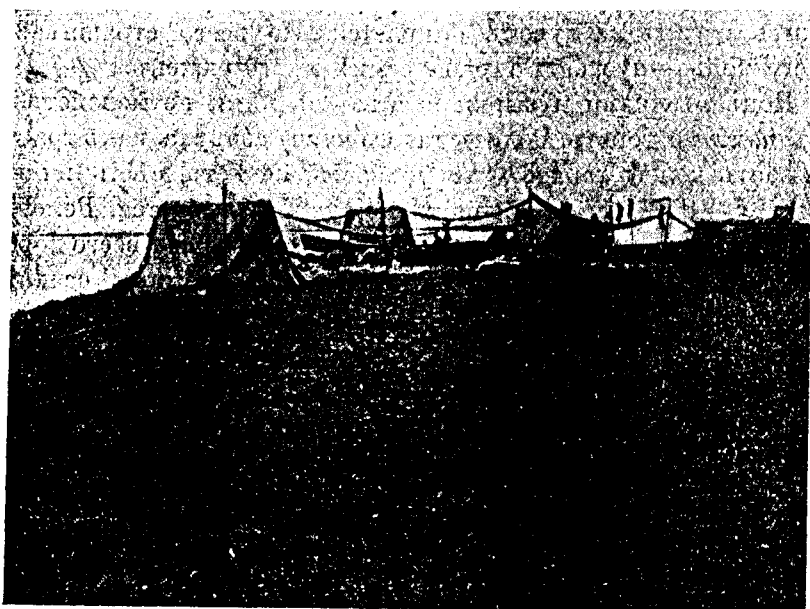

Рис. 58. Нашъ лагерь на Худой Лайдѣ—возлѣ Зеленой.

быть, „сендушные чукчи“, но шутка моя была встрѣчена молчаливо. Всѣ 4 фигуры скоро исчезли. На обратномъ пути, когда мы тащили убитаго оленя въ лагерь, я напрасно спрашивалъ, кто же, они думаютъ, это были, — мои спутники отмалчивались, и было ясно, что мое любопытство имъ было неприятно. — „Развѣ будетъ доброе, — проронилъ, наконецъ, одинъ, — людей увидали и не подошли“. — (Нужно сказать, что ближайшее жилье отсюда было верстахъ въ 50-ти—во всѣхъ другія стороны шла безграничная прибрежная тундра Ледо-

витаго Океана). Позднѣе оказалось, что 4 таинственныхъ фигуры были таки наши товарищи, которые, конечно, хорошо насъ видѣли, но не подошли, такъ какъ въ свою очередь гнали слѣдъ раненаго ими изъ лука оленя.

IX. Особенности языка.

Въ теченіе столѣтій рѣчь индигирца подвергалась очень сложному вліянію, такое вліяніе оказывали якуты, колымчане съ особенностями ихъ рѣчи, наконецъ русскіе, поселившіеся издавна въ Якутской области, которые также выработали благодаря оторванности отъ Россіи и Сибири свои особенности языка. Несмотря на это русско-устинцы сохранили въ своемъ лексиконѣ слова и выраженія, характерныя исключительно для нихъ; напр., можно всегда узнать индигирца по слѣдующимъ выраженіямъ:

ё, братъ! — грѣхъ, братъ! — выраженіе боли, изумленія,
— вообще сильнаго чувства ¹⁾.

Кабыть — какъ-нибудь, такъ себѣ.

— „Какъ поживаешь?“ — „Кабыть“.

Слабость воздѣйствія якутскаго языка на рѣчь индигирцевъ и свои характерныя особенности, быть можетъ, наиболѣе интересное явленіе въ бытѣ индигирцевъ,

Знаніе якутскаго языка распространено вообще очень слабо; лишь очень немногіе располагаютъ ограниченнымъ лексикономъ якутскихъ словъ, съ помощью коего они съ грѣхомъ пополамъ объясняются съ якутами и юкагирами. Въ этомъ отношеніи они очень рѣзко отличаются отъ колымчанъ и усть-янцевъ, для которыхъ якутскій языкъ является такимъ же роднымъ, какъ и русскій. Русскіе усть-янцы и колымчане при встрѣчахъ разговариваютъ между собой почти

¹⁾ Одно изъ самыхъ распространенныхъ среди якутовъ области восклицаній: ох-се! или ок-се!—выраженіе удивленія, боли и пр. — замѣнено въ районѣ Индигирки восклицаніемъ—ані, догоръ! (собственно а́й)—буквальный переводъ: грѣхъ братъ!—одинъ изъ примѣровъ русскаго воздѣйствія индигирцевъ на якутовъ.

— „Глаза стыдятся“—боятся свѣта.

— „Человѣкъ-то онъ тугой—ну, скупой, скажемъ по нашему, на деньгу по домашности, тамъ пустяки какіе купить для души, пряники либо сахару“.

— „Вѣдь у нихъ, якутовъ, настоящей пѣсни нѣту—такъ, самокладка“.

— „И совѣстно и стыдко, и Богу грѣхъ—жениться на близкой роднѣ“.

— „Завсе въ головѣ у меня шипить и шумить, шипить и шумить—это, бають, въ мозгѣ шипѣта“.

— „Какъ дѣвочка у меня потонула, такъ не могу на вѣткѣ черезъ рѣку переѣзжать, сердце шевелится. Не будетъ ли у тебя какихъ порошковъ? Тоже вотъ рѣза на рукѣ выступаетъ—въ Колымскѣ государственные меня отъ нея лѣчили“.—

— „Голову мы правимъ—неладно спишь, такъ мозгъ на одну сторону переходитъ, голова пухнетъ. Бумажку тогда вокругъ головы клеимъ и отчеркиваемъ противъ носа, противъ ушей и затылка, потомъ мѣримъ. Которая сторона больше—ту шеркаемъ, тремъ—такое у насъ досельное средство“.—

Самыми жестокими ругательствами у индигирцевъ, какъ у собачниковъ, считаются: „собачья зараза“, „собачья килá“(?), „киленый“; совершенно недопустимымъ словомъ является „варнакъ“—обиженный уже жалуется на оскорбителя старостѣ.

Х. Пѣсни.

Старики увѣряютъ, что раньше на Индигиркѣ жили веселѣе. Собирались въ зимніе вечера, пѣли, плясали. Старыхъ пѣсень и „старинны“ или „були“ (былины) знали, по видимому, много, но теперь это знаніе почти утрачено. Изъ стариковъ остался въ живыхъ одинъ Егоръ Голыжинскій (въ Косухинѣ), пѣсни котораго въ свое время здѣсь записывали „экспедицiонскіе“. Благодаря собственнымъ ошибкамъ,